

ТАГАНРОГСКИЙ ВѢСТНИКЪ

№ 182-й.

№ 182-й

ЕЖЕДНЕВНАЯ

Телефонъ редакціи № 85.

Телефонъ типографіи № 85.

политическая и общественно-литературная газета.

Годъ XXIII

Вторникъ, 13 іюля 1904 года.

Годъ XXIII

ПОХОРОНЫ А. П. ЧЕХОВА.

— Въ Москву! Скорѣе въ Москву!—рыдала въ Петербургѣ вдова А. П. Чехова.

— Въ Москву! Въ Москву!—мечтають его «Три сестры».

— Въ Москву бы! — тосковалъ Чеховъ на югѣ.

И Москва теплымъ, искреннимъ послѣднимъ привѣтомъ отвѣтила любившему ее великому художнику слова.

Историческій день похоронъ А. П. Чехова былъ поистинѣ прекрасенъ.

А это былъ, безъ сомнѣнія, историческій день.

Когда Чехова вполне поймутъ и вполне оцѣнятъ,—онъ займетъ принадлежащее ему по праву мѣсто въ рядахъ величайшихъ русскихъ писателей.

Тогда явится вопросъ:

— Какъ отнеслись современники къ постигшей ихъ тяжелой утратѣ?

И Москвѣ не придется краснѣть предъ судомъ потомства за день чеховскихъ похоронъ.

На Николаевскомъ вокзалѣ

Чуть-ли не съ разсвѣта Москва стала готовиться къ встрѣчѣ праха А. П. Чехова.

Съ пяти часовъ утра по улицамъ, ведущимъ изъ города къ Каланчевской площади, начали подъѣзжать фуры съ безчисленными вѣнками.

Скоро платформа Николаевского вокзала для приходящихъ поѣздовъ обратилась въ оранжерею.

Въ шесть часовъ платформа начала наполняться публикой.

Преимущественно это была уча-

щаяся молодежь. Вотъ пришелъ первый дачный поѣздъ.

Съ нимъ изъ Петровско-Разумовскаго прѣхалъ чуть-ли не весь сельско-хозяйственный институтъ.

Вагоны, занятые студентами, были обращены во временную оранжерею,—такую массу цвѣтовъ привезли съ собой петровцы.

Здѣсь были вѣнки, букеты и нѣсколько громадныхъ корзинокъ съ цвѣтами, чтобъ осыпать гробъ и могилу дорогого писателя.

Толпа, ожидающая поѣзда, выросла и становилась оригинальной.

Не удивляло здѣсь присутствіе учащейся молодежи, не были неожиданны, конечно, представители ученаго, литературнаго міра, артисты,—огромный писательскій талантъ Чехова захватилъ болѣе широкіе, разнообразные слои общества.

Здѣсь, въ этой огромной толпѣ, мы замѣтили скромнаго, бѣднаго труженика, полувысохшаго въ пыли душныхъ архивовъ регистратора, старенькаго экзекутора одного изъ общественныхъ учреждений столицы, который, казалось бы, никогда, кромѣ «входящихъ» и «исходящихъ», ничего и не читывалъ, и много другихъ, такихъ же незамѣтныхъ, загнанныхъ тяжелой, однообразной, повседневной работой «хмурыхъ» людей.

Около семи часовъ утра «безымянная» до сихъ поръ толпа пополнилась множествомъ лицъ, хорошо извѣстныхъ Москвѣ.

Прѣхалъ В. А. Гольцевъ, распорядившійся похоронами, затѣмъ появились Вл. И. Немировичъ-Данченко, бывший артистъ художественнаго театра и вынѣшній

режиссеръ петербургскаго Александринскаго театра г. Санинъ, еще нѣсколько артистовъ художественнаго театра, съ гг. Лужскимъ и Москвинымъ во главѣ, А. И. Южинъ, Д. В. Гаринъ-Виндингъ и др. Изъ петербуржцевъ здѣсь-же мы замѣтили редактора «Міра Искусства» С. П. Дагилева и депутата газеты «Русь» г. Зенгера, изъ москвичей: главнаго врача и директора городской преобразовательской больницы Н. Н. Важенкова, редактора и издателя газеты «Русское Слово» Ѳ. И. Благова и И. Д. Сытина, г. Гославскаго, С. Н. Кругликова, В. М. Дорошевича, В. Е. Якушкина, Н. Д. Телешова, управляющаго театральнымъ бюро И. О. Пальмина и др.

Прибытіе поѣзда.

Къ 7½ часамъ на платформѣ двигаться уже можно было только съ большимъ трудомъ.

Въ ожиданіи прибытія поѣзда различныя депутаціи со своими вѣнками выстроились въ рядъ по краямъ платформы.

Вдругъ толпа всколыхнулась. Послышались голоса: «Идетъ, идетъ», «поѣздъ»...

Поѣздъ подходилъ.

Медленно прошелъ мимо публики паровозъ, за нимъ товарный вагонъ съ надписью:

— Отдѣленіе для перевозки свѣжихъ устрицъ.

— Этому! Здѣсь!—заговорили въ публикѣ.

Досадную надпись такъ и не догадались стереть.

Едва поѣздъ остановился, въ купѣ, гдѣ находилась вдова А. П. Чехова, направились Вл. И. Немировичъ-Данченко и В. А. Голь-

цевъ; сюда-же бросилась съ рыданіями прислуга Чеховыхъ, оставшаяся въ Москвѣ; за ней—масса публики.

Съ О. Л. Чеховой-Книпперъ дурно.

Ее подъ руки выводятъ изъ вагона на свѣжій воздухъ и усаживаютъ на откуда-то добытый стулъ.

Начались тягостныя минуты ожиданія траурнаго вагона.

Его не подавали до безконечности долго.

Поѣздъ, освобожденный отъ пассажировъ, сначала увезли куда-то, затѣмъ снова привезли, и, наконецъ, траурный вагонъ подали къ платформѣ.

Трудно себѣ представить, что сдѣлалось съ толпой, когда открыли дверцы вагона.

Въ вагонѣ, убранномъ зелеными вѣтвями, усыпанномъ цвѣтами, среди вѣнковъ, стоялъ дубовый, полированный гробъ съ серебряными украшеніями.

Публика сразу хлынула сюда. Съ большимъ трудомъ удалось проводить въ вагонъ вдову. За ней вошли и лица, близкія къ покойному.

Гробъ подняли студенты-петровцы.

Процессія направилась во дворъ Николаевского вокзала къ траурной колесницѣ. Она, впрочемъ, оказалась излишней.

Молодежь не пожелала отдать гробъ съ дорогими останками и понесла его сама.

Здѣсь, во дворѣ Николаевского вокзала, совершена была перная краткая литія.

Послѣ богослуженія печальное шествіе тронулось со двора Николаевского вокзала.

Когда шествіе тронулось, на гробъ А. П. Чехова посыпался цѣлый дождь цвѣтовъ.

Это былъ трогательный и красивый моментъ.

— «Изящный моментъ!»—сказали бы мы любимымъ словомъ Чехова, который всегда, во всѣхъ произведеніяхъ мечталъ о томъ времени, когда жизнь станетъ разумной, прекрасной и, непремѣнно, «изящной».

На улицахъ.

За гробомъ шла поддерживаемая В. И. Немировичемъ-Данченко и В. А. Гольцевымъ вдова, близкіе къ покойному люди, родственники покойнаго—А. А. Долженковъ, двоюродный братъ, съ женою и родственники О. Л.

За ними слѣдовала огромная толпа.

Съ выходомъ на Каланчевскую площадь численность ея настолько возросла, что потребовалось принять мѣры для огражденія гроба отъ натиска толпы.

Всюду по пути былъ огромный «нарядъ» полиціи, но ея помощь оказалась ненужной.

Сами провожающіе позаботились о порядкѣ.

Моментально молодежь, взявшись за руки, образовала цѣпь, окруживъ ею духовенство, несшихъ гробъ и группу ближайшихъ родственниковъ и знакомыхъ покойнаго.

За цѣпью слѣдовали траурная колесница и четыре платформы съ вѣнками.

На перекресткѣ Садовой и Домниковской улицъ была отслужена вторая литія.

Толпа все возростала.

Указъ Домниковская улица на-

шлось составить вторую цѣпь.

На тротуарахъ стояли сплошной стѣной массы публики, все увеличивавшія собой печальное шествіе.

Изъ магазиновъ, изъ домовъ выходили жильцы, служащіе, окна домовъ были переполнены зрителями.

Все увеличивающееся количество молодежи пожелало помочь духовному хору.

Скромно звучавшій передъ тѣмъ хоръ сталъ крѣпнуть.

Сперва неувѣренно, робко, а потомъ все лучше и стройнѣе: импровизированный хоръ замѣнилъ духовныхъ пѣвчихъ.

Пѣли студенты, пѣли женщины.

На поворотѣ на Рождественскій бульваръ «Святый Боже» звучало уже могуче, сильнѣе: пѣло нѣсколько сотъ свѣжихъ, молодыхъ голосовъ.

Съ Рождественскаго бульвара кортежъ повернулъ на Мясницкую.

У Тургеневской читальни снова была отслужена литія.

Обычное движеніе Мясницкой улицы было приостановлено. Здѣсь толпа сразу удвоилась.

Всѣ конторы, магазины были переполнены собравшейся сюда публикой. Всѣ окна и балконы были точно такъ же наполнены ею.

Далѣе печальный и величественный кортежъ прошелъ Фуркасовскимъ переулкомъ къ Дубинкѣ и свернулъ на Кузнецкій мостъ и чрезъ Кузнецкій переулокъ прошелъ къ художественному театру.

У художественного театра.

У художественного театра съ половины 9-го утра начала собираться многочисленная публика.

Многие опоздавшие къ вокзалу направлялись прямо сюда.

Все знали, что здѣсь будетъ первая остановка печальнаго шествія по пути къ Дѣвичьему монастырю.

Толпа все увеличивалась. Все окна художественнаго театра были заняты артистами труппы этого театра.

У главнаго подъѣзда поставленъ былъ катафалкъ. Въ числѣ ожидавшейся прибытія гроба публики мы видѣли О. И. Шаляпина, художника императорскихъ театровъ Е. А. Коровина и Н. Н. Златовратскаго.

Въ толпѣ пронеслось движеніе: съ Кузнецкаго пер. донеслось пѣніе, кортежъ приближался.

Когда гробъ былъ поставленъ на катафалкъ, изъ толпы ожидавшихъ выдѣлилась группа рабочихъ художественнаго театра и возложила на гробъ вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ.

Изъ толпы посыпался дождь цвѣтовъ.

Эта была минута наибольшаго подъема.

Началась литія. У многихъ на глазахъ были слезы...

Прибытіе родныхъ.

Отъ художественнаго театра шествіе тронулось въ Газетный переулокъ.

Здѣсь произошла трогательная сцена встрѣчи двухъ братьевъ покойнаго И. и М. Павловичей со довой.

Не успѣлъ кортежъ тронуться, какъ у гроба раздались рыданія. Это былъ голосъ бѣжавшей на встрѣчу къ гробу сестры покойнаго М. П.

«Боже мой, Боже мой, я еле дошла. Оля, Олечка, какое несчастье, что случилось!»...

М. П. и О. Л. замерли въ объятіяхъ, и толпа остановилась.

Прошло нѣсколько минутъ пока окружающимъ удалось успокоить взволнованныхъ женщинъ.

Еще нѣсколько шаговъ, и толпу остановила новая сцена, еще болѣе потрясающая.

Навстрѣчу къ гробу подошла мать А. П. Чехова.

Семья А. П. Чехова пріѣхала въ 9 ч. 20 м. въ Москву и была встрѣчена на курскомъ вокзалѣ редакторомъ «Журнала для Всѣхъ» г. Миротлюбковымъ.

На Николаевскій вокзалъ семья не могла попасть.

Нужно было встрѣтить гробъ на пути; семья поѣхала въ редакцію журнала «Русская Мысль». Здѣсь дожидаться гроба у близкихъ покойнаго лицъ не хватило терпѣнія и они бросились, несмотря на усталость, пѣшкомъ навстрѣчу дорогимъ останкамъ.

У «Русской Мысли».

У редакціи журнала «Русская Мысль» стояли толпы народа.

Сюда, между прочимъ, обогнавъ шествіе, къ встрѣчѣ гроба, успѣли пріѣхать гг. Соболевскій, проф. Анучинъ, кн. А. И. Южинъ Сумбатовъ, В. А. Гиляровский, артисты художественнаго театра гг. Лужскій и Качаловъ, Н. П. Баженовъ и др.

Въ ожиданіи печальнаго шествія предъ подъѣздомъ редакціи былъ установленъ катафалкъ.

Въ немъ, впрочемъ, надобности не оказалось. Подошло шествіе, но студенты не пожелали поставить гробъ на катафалкъ и держали его въ теченіе всей литіи на рукахъ.

Когда кончилась литія, были поданы экипажи, куда усадили мать, вдову и сестру А. П. Чехова.

Отсюда шествіе пошло по Пречистенкѣ.

По дорогѣ въ монастырь.

На Знаменкѣ, Волхонкѣ, Пречистенкѣ печальное шествіе встрѣчали тысячныя толпы.

Кортежъ все увеличивался провозжавшими.

Большими группами публика по этимъ улицамъ шла и впереди кортежа, направляясь въ Ново-Дѣвичій монастырь.

Возлѣ Клиническаго Городка толпы стали еще гуще.

Здѣсь ожидали остановки печальнаго шествія и литіи.

Кортежъ остановился у хирургической клиники, передъ памятникомъ Пирогову.

Здѣсь, въ этомъ корпусѣ, въ одной изъ палатъ лежалъ А. П. Чеховъ, когда у него случился въ Москвѣ первый припадокъ кровохарканья.

Здѣсь была отслужена послѣдняя литія предъ монастыремъ.

Въ Ново-Дѣвичьемъ монастырѣ.

За два часа до прибытія гроба въ монастырь, церковный дворъ, кладбищенскій садъ и площадь

передъ монастыремъ стали наполняться публикой.

Въ одной группѣ собралось много артистовъ. Здѣсь были М. П. Садовскій, О. А. Коршъ, драматургъ Ладыженскій, П. М. Невжинъ, въ другой группѣ были городскіе дѣятели: товарищъ городского головы И. И. Лебедевъ, С. А. Муромцевъ, В. В. Пржевальскій и др. Еще въ другомъ мѣстѣ мы замѣтили нѣсколько врачей выпуска 1884 года—одного съ А. П. Чеховымъ, извѣстный психиатръ Г. И. Россолимо, директоръ бактериологическаго института Ф. М. Блюменталь и др.

Далѣе были: проф. Синицынъ, священ. Г. Петровъ, художникъ Матвѣевъ, М. В. Леонтовскій Н. Н. Златовратскій, Н. П. Бочаровъ, драматурги Трахтенбергъ и Туноненскій, прибывшіе изъ Петербурга, издатель «Петербургской Газеты» г. Худяковъ, Н. Д. Камкинъ, М. Н. Климентова-Муромцева, директоръ Императорскихъ театровъ В. А. Теляковскій, спеціально прибывшій изъ Петербурга, чтобы выразить вдовѣ А. П. Чехова чувства соболѣзнованія отъ имени дирекціи казенныхъ театровъ.

Стали прибывать и обгонявшіе шествіе.

Пріѣхалъ О. И. Шаляпинъ, Максимъ Горькій.

Въ ожиданіи прошло болѣе часа.

Въ это же время сюда стали прибывать запоздавшіе вѣнки.

Всеобщее вниманіе обратилъ своими огромными размѣрами вѣнокъ изъ дивныхъ розъ, орхидей, лилій.

Все бросились къ лентамъ.

На нихъ была слѣдующая надпись: «Съ великой скорбью Шаляпинъ—дорогому, незабвенному А. П. Чехову».

Вдали послышалось пѣніе: печальное шествіе приближалось.

Отпѣваніе.

Къ этому времени богослуженіе въ церкви закончилось.

Посреди церкви стоялъ бѣлый глазетовой катафалкъ, по сторонамъ котораго помѣщены были огромные подсвѣчники, задрапированные бѣлымъ крепомъ съ серебромъ.

Гробъ былъ внесенъ въ церковь, и началось отпѣваніе.

Въ церковь, конечно, могли войти лишь очень немногіе.

Тысячныя толпы народа загрохотали весь монастырскій дворъ, наполнили все дорожки и проходы, ведущіе къ могилѣ.

Пробраться къ могилѣ можно было только съ невѣроятнымъ трудомъ.

Могила находится подъ большимъ развѣсистымъ ясенемъ, рядомъ съ могилкой отца А. П. Чехова, невдалекѣ отъ могилы Плещеева.

Вся могила по стѣнкамъ была декорирована живыми цвѣтами, а дно—лавровыми вѣтками и хвоей.

У могилы.

У могилы собралась такая масса народа, что пронести гробъ и опустить его въ могилу стоило невѣроятныхъ усилій.

Какихъ-нибудь 200 шаговъ, отдѣлявшихъ могилу отъ церкви, задержали шествіе чуть-ли не на полчаса.

Къ самой могилѣ изъ близкихъ

и знакомыхъ къ семьѣ покойнаго протискались только немногіе, и то проложить дорогу для этихъ немногихъ пришлось цѣною разрушенія нѣсколькихъ оградъ и кустовъ.

Страшная давка заставила поторопиться.

Гробъ былъ быстро опущенъ въ могилу.

Посыпались цвѣты, глухо зазвучала земля о крышку гроба.

Былъ, поистинѣ, величественный и страшный моментъ.

Это, когда тысячная толпа подхватила въ первый разъ:

— Вѣчная память!

Нестройно, похоже на вопль, на стонъ нестерпимой боли. Затѣмъ пѣніе стало стройно и мелодично.

— Вѣчная память!—запѣвалъ голосъ гдѣ-нибудь,—и вся тысячная толпа подхватывала пѣніе, пѣло все кладбище, и стройно, красиво неслись печальные аккорды.

— Вѣчная память!

На этотъ разъ это звучало несомнѣнно правдой. И это производило особо сильное впечатлѣніе.

Надъ могилой быстро выросъ холмъ, и родные покинули могилу, съ большими усилиями высвободившись изъ тѣснаго кольца толпившейся публики.

